

образе Ермака; 2) ненависть к богатым (помещикам и купцам) в сатирических сценах; 3) пафос вольности, свободолюбия в изображении атамана и его вольницы, романтический порыв к борьбе за правое дело. Все это импонировало социальным настроениям трудящихся и в начале XX в., когда играли драму в селе Вятские Поляны. Этому соответствует язык драмы: колоритный, размашистый, блещущий остроумием, ладом, построенным по типу языка раешника.

Играющие драму и зрители воодушевлялись не только действием, глубоким драматизмом борьбы, но и песнями, сопровождающими сцены. В песнях дается эмоциональная характеристика добрых молодцев «волжской вольницы», они связывают драматическое действие изнутри, являются своеобразным аккомпанементом развитию драматического действия и усиливают героико-эпическое содержание драмы. Ермак характеризуется как испытанный в деле атаман, заботящийся о товарищах.

Следует заметить, что в конце драмы, в сцене гибели Ермака и в песне «Ревела буря, дождь шумел», есть элемент модернизации в изображении событий XVI в. Кто тут виноват — собиратель фольклора или исполнители, — сказать пока невозможно. Будущие исследователи, вероятно, сумеют отделить подлинно народное от случайного.

Вариант драмы «Ермак» является счастливой находкой, дополняющей существующие сюжеты русской народной драмы и обогащающей наше представление о распространенности такого вида творчества масс, которое тесно связано с классовой борьбой и само было массовым по характеру исполнения.

Киров

Ф. В. ТУМИЛЕВИЧ

ПРЕДАНИЯ О «ГОРОДЕ ИГНАТА» И ИХ ИСТОЧНИКИ

Всякий жанр устной поэзии — конкретно-историческая видимая форма художественного отражения жизни, чувств, мыслей народа или какой-то его социальной группы. В нем заключена специфика искусства слова, эстетические нормы, породившей его эпохи.

Рассказы на исторические темы вначале своего появления были произведениями современными. Они повествовали о политических событиях и выражали непосредственное мнение их участников. Впоследствии эти рассказы превращались в воспоминания, обростали вымыслом, а к потомкам переходили в форме предания.

Сами носители считают исторические предания подлинными свидетельствами о прошлом и относятся к ним с доверием, глубоким уважением. Мы не ставим знака равенства между преданием и документальным отражением истории, но и не отрицаем значения первого как исторического источника. В нем, несмотря на вымысел, а иногда авантюризм фантазии, сохраняются исторические реалии, по которым можно судить о том, что было на самом деле в жизни. К таким рассказам примыкают бывальщины казаков-некрасовцев. В устном бытовании они не менее популярны, чем песни и сказки у старшего поколения Игнат-казаков, живших на Майносе (селение Бин-Эвле) еще по «Заветам Некрасова»¹.

Всего от них записано более пятисот сюжетных и бессюжетных произведений, а опубликовано в различных изданиях XIX—XX вв. только 72.

¹ Казаки-некрасовцы живут в настоящее время в Краснодарском крае в с. Приморско-Ахтарске, хуторе Ново-Некрасовском; в Грузинской ССР в гг. Поти, Батуми, селе Шевкетили.

Бывальщины о «Городе Игната» являются самостоятельным жанром в общем виде исторических преданий некрасовцев. Зафиксировано 20 сюжетов (48 вариантов), напечатано только 7¹. Учитывая объем статьи, поставленную проблему — общность и отличие бывальщин Игнат-казаков от других устных и письменных источников, освещающих социально-утопическую идею о свободе и равенстве, — мы думаем, что для нашей работы вполне достаточно опубликованных текстов и нет надобности пока привлекать рукописные материалы. В рассматриваемых бывальщинах сформулированы главные положения, характеризующие взгляды казаков-некрасовцев на свободу, равенство в «стране», созданной, по их глубокому убеждению, И. Ф. Некрасовым.

Историчность этого жанра не только в том, что он в форме вымышленных сюжетов воспроизводит конфликты, события, ситуации, лица из истории некрасовского движения (1708—1740) и позднейшей жизни, но и в том, что прототипом идеальной жизни в «Городе Игната» является «золотой век» республиканско-демократического строя Майносской общины первой половины XIX столетия.

Наша задача сводится к постановке и посильному разрешению выдвинутой проблемы, которая находит свое выражение в трех вопросах: 1) Имеются ли в преданиях о «Городе Игната» следы влияния письменных и фольклорных источников? 2) Являются ли данные рассказы вариантами общечеловеческой социально-утопической идеи о свободе и равенстве в «обетован-

ной» земле? 3) Правомерно ли считать бывальщины некрасовцев следствием их истории?

Утопическая идея о социальном равенстве — идея в условиях антагонистического общества вечная. Но у разных народов не только в разные эпохи, а в одно и то же время она интерпретируется в сознании различных социальных групп по-разному и потому выражается в своих собственных конкретных понятиях. Между ними имеется одновременно общность и индивидуальное отличие, определяемое историческими условиями.

Вообще рассказы об «обетованной земле» имеются у различных народов. Им присуща одна социально-утопическая идея о равенстве людей на земле. Мечта о социальной справедливости, свободе возникла в результате имущественного и политического неравенства в условиях классового государства. Несомненно одно, что первоначально социально-утопическая идея зародилась у трудовых классов и она получила свое выражение в фольклоре, потом в религиозных учениях, художественной литературе, а затем в теоретических трудах. Независимо от форм проявления утопия всегда была социальным протестом существующему классово-государственному порядку.

Предварительное сравнение указанных источников различных идеологических форм приводит нас к выводу: мечта о переустройстве антагонистического общества вызвана к жизни желанием угнетенных изменить существующий социальный порядок, основанный на эксплуатации меньшинством большинства.

Но как в произведениях поэзии (устной и письменной), религиозных учениях, специальных работах об «идеальном государстве», так и в самих народных движениях Западной Европы, России социально-утопическая идея принимает то религиозную, мистическую окраску, то политическую. Последняя форма также не всегда освобождается от религиозного оттенка.

Религиозное учение о тысячелетнем «царстве божьем» на земле — хилиазм было распространено у древних евреев. Они связывали установление «царства божьего» с приходом Мессии. Раннее христианство, отражавшее чаяния рабов Римской империи, было проникнуто хилиастическими ожиданиями. Эти верования получили широкое распространение в различных религиозных средневековых сектах (вальденсы и альбигойцы во Франции, лолларды в Англии). Даже революционное течение в гуситском движении (1419—1434) — табориты (их левое крыло), стремившиеся добиться установления общественного строя, в котором «исчезнут исполнительные власти, окончится господство князей» и «не будет частной собственности», облекалось в

¹ Kozaczyzna w. Turcyi dziełow trzech częściach przez X. K. O. Paryz, 1857, р. 79—101 (Казачество в Турции. Сочинение в трех томах, написанное X. К. О. Париж, 1857, стр. 79—101. В дальнейшем — X. К. О.). Напечатано 6 отрывочных преданий в перекладе; В. П. Иванов-Желудков (Кельсиев). Русское село в Малой Азии. «Русский вестник», т. 63, май-июнь, 1866, стр. 414—451 — 5 преданий; «Славянский сборник» — «Очерк истории старообрядцев в Добрудже», т. I. СПб., 1875; стр. 605—620 — 2 предания; В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 6. СПб., изд. Маркса, 1914 — 3 предания; Ф. В. Тумилевич. Фольклор некрасовцев. Ростиздат, 1941, стр. 84—1 предание; его же. Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростиздат, 1947 — 1 предание № 19; его же. Фольклор казаков-некрасовцев. Краснодарское книжн. изд-во, 1948 — 1 предание, № 29; его же. Казаки-некрасовцы. «Дон», 1958, № 8 — 3 предания; его же. Сказки и легенды некрасовцев. Газ. «Колхозный ударник». Орган Приморско-Ахтарского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, 14 сентября 1944 г. — 1 предание; его же. Песни и легенды об Игнате Некрасове. Газ. «Знамя коммунизма». Приморско-Ахтарск, № 122, 125, 128, 131, 133, 1955—3 номера; его же. «Русские народные сказки казаков-некрасовцев». Ростиздат, 1958 — 12 преданий № 31—42; его же. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростиздат, 1961 — 35 преданий, № 25—59.

одежды раннехристианских и хилиастических учений. Только у Мюнцера появляются «проблески коммунистических идей»¹.

Мечта о «золотом веке» нашла отражение в «Трудах и днях» Гесиода. В эллинистическом романе второго века до н. э., дошедшем до нас в пересказе Диодора Сицилийского о Ямбуле, рассказывается о некоем острове, населенном счастливым племенем, которое живет по принципам первобытного коммунизма.

Из европейских сказаний популярна легенда об Эльдorado — золотой стране, которую с XVI в. искали на территории Латинской Америки испанские и португальские конквистадоры. Но в этой легенде выражена не народная идея о счастливой «обетованной» стране, а стремление европейских завоевателей в период развития буржуазных отношений и экспансий, когда золото для буржуазии приобрело основное значение, как общий эквивалент, обменивающийся на все товары. И только со временем название Эльдorado стало употребляться в переносном смысле для обозначения страны богатств, сказочных чудес.

В русском народном творчестве социально-утопическая мечта об обеспеченной жизни получила отражение в былинах о Соловье Будимировиче², Садко³, Дюке⁴.

С темой о богатстве в прошлом ассоциировалось понятие свободы, получившее освещение в народных чудесных сказках. О ней рассказывают и присказки: «Начинается сказка ст сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне, стоит бык печеный, возле него лук толченый; и шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди»⁵. Или такого типа: «Было это дело на море, на океане, на острове Кидане, стоит дерево золотые ма-

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., Госполитиздат, 1952, стр. 38.

² А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I, СПб., 1894, № 36, 53, 68; П. Н. Рыбников. «Песни», т. II, М., изд-во «Сотрудник школ», 1910, № 123, 149, 163, 173, 206.

³ А. Ф. Гильфердинг. Указ. соч., т. I, № 70; т. II, 1896, № 146, 174; П. Н. Рыбников. Указ. соч., т. I, 1909, № 18, 54, 66; т. II, № 107, 124, 134.

⁴ А. Ф. Гильфердинг. Указ. соч., т. I, № 9, 20; т. II, № 152, 159, 180; П. Н. Рыбников. Указ. соч., т. I, № 29, 63; т. II, № 144, 172, 181, 197, 202.

⁵ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I, Academia, 1936, № 139.

ковки; по этому дереву ходит кот-баюн, вверх идет — песню поет, а вниз идет — сказки рассказывает...»¹.

Представление о счастье отождествляется с понятием богатства, которое дается в руки без всякого труда, стоит только попасть на этот чудесный остров Буян или Кидан, или очутиться «в тридесятом царстве, тридесятом государстве». К этому близки и те сказки, в которых герой приобретает волшебные предметы: «скатерть-самобранку», «шапку невидимку», «кольцо», «бисиринку» и др. Народные предания о кладах также говорят о приобретении богатства чудесным путем. Дальше абстрактного представления о счастье крестьянская устная поэзия в условиях феодализма не шла.

В письменных памятниках древнерусской литературы в период феодальной раздробленности в XIII—XIV вв. имеется «Сказание об Индийском царстве»². Сказание это византийского происхождения, оно относится к XII в., стало известно в Суздальской Руси. В нем рассказывается о богатом христианском царстве Индийском. Правит в царстве «царь Иоан-поп» — поборник православной веры христовой, соединяющий в одном лице светскую и религиозную власть. И нет в этой земле «ни Тати, ни разбойника, ни завидлива человека, земля полна всякого богатства». Царю царей прислуживают цари и патриархи. А кто мыслит против него злое, «в стеклянном зеркале зримо его бледное лицо». «В содержании памятника сказались мотивы борьбы церкви и государства»³. Автор повести, ее редакторы считали, что счастье на земле возможно только в том случае, когда народом правит царь-первосвященник. Эта мысль не была чужда многим религиозным сектам и течениям.

К «Сказанию об Индийском царстве» довольно близка легенда о «Беловодском царстве», распространившаяся во второй половине XVIII столетия в рукописи среди русских раскольников, не присоединившихся ни к беглому, ни к австрийскому священству, ни к единоверию. Они были носителями мечты о «настоящем», чистом «древлеправославном» священстве, сохранившем все обряды и догматы «древняго» дониконианского православия.

¹ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Изд. Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук. М., 1915, № 139.

² А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1881. Приложение.

³ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе X—XVII веков. М., Учпедгиз, 1962, стр. 167.

вия¹. Беспоповцы долго искали эту святую землю, но так и не нашли.

Рукописное «Путешествие Марка Топозерского»² рассказывает о хождении этого старца в Сибирь, Китай, Эстонию. Стоит Опонское царство на океане-море, называемом Беловодье. Там видел он 179 церквей, христиане имеют православного патриарха. Русских церквей 40, служат в них митрополит и епископы, рукоположенные епископом «асирского языка». В Беловодье сохранилась древняя святость, служба по старым книгам. Там нет «татбы и воровства», светского суда, народом управляют духовные власти, войны ни с кем не ведутся³.

Раскольничьим толкам о епископах «древляго благочестия» помогла и народная фантазия о невидимых городах, монастырях. Пошли толки о существовании Млевских монастырей, опустившихся в землю, и о том, что до сих пор в них живут монахи и монахини и по большим праздникам бывает слышен звон монастырских церквей. Родилась легенда о невидимом граде Большом Китеже на берегу озера Светлояра⁴. В народных сказаниях Китеж представляется стольным городом Суздальской земли. А в «Китежском летописце» (рукопись, распространенная у поволжских старообрядцев) говорится, что, когда подступил к Большому Китежу Батый, «град сделался невидимым, и будет он стоять невидимым до скончания века». В нем есть церкви, монастыри, а летними вечерами над озером слышится звон Китежских колоколов⁵. Легенда рукописная, известна в устном бытовании в трех версиях⁶.

Социально-утопическая идея о свободе, равенстве, «обетованной» стране освещалась в фольклоре, художественной литературе, религиозных учениях, в философско-утопических работах. Эта же идея была двигательной силой народных движений, особенно в периоды рабовладельчества и крепостничества.

Предания казаков-некрасовцев о «Городе Игната», «Игнатовом царстве», конечно, близки по своей общей идейной направленности к общечеловеческой мечте о справедливости, равен-

¹ Г. Т. Хохлов. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». Предисловие В. Г. Короленко. СПб., 1903, стр. 54.

² Топозерский беглопоповщинский скит в Архангельской области, в бывшем Кемском уезде, на берегу Топозера.

³ П. И. Мельников (Андрей Печерский). Соч., т. 13, ч. 1. СПб., 1898, стр. 33—37.

⁴ В Нижегородском Заволжье, Макарьевского района, Горьковской области.

⁵ П. И. Мельников. Соч., т. 13, ч. 1, стр. 38—39.

⁶ В. Л. Коморович. Китежская легенда. М., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 1.

стве, свободе, и в то же время в них эта идеальная мечта получила свое конкретное социальное выражение. «Город Игната» — не абстрактная мечта о счастье, не желание только обогатиться и жить в полное удовольствие, ничего не делая. Наоборот: чудесная страна Игната создается упорным трудом, законы, по которым живут в ней казаки-некрасовцы, вполне реальные, не ущемляющие права личного достоинства, оберегающие равноправие женщин и мужчин, исключающие эксплуатацию человека человеком, возвышающие женщину, способствующие развитию высоких моральных достоинств, поголовной грамотности, исключающие давление руководителей на членов общины и т. д.

Бывальщины на тему социальной утопии у Игнат-казаков освобождены от религиозных идей, поисков «древляго священства», от царистских иллюзий. Они, как и все другие жанры преданий, имеют антицаристский характер, точнее, бывальщины о «Городе Игната» утверждают идею республиканско-демократического общественного устройства.

Предания о «Городе Игната» имеют свою предысторию. Не следует забывать, что у русского крепостного крестьянства, холопов, работных людей, посадского люда в XVI—XVII вв. не было возможностей для достижения свободы, равенства, экономической независимости. Но в сознании народа, в его сердце постоянно жила мечта о лучшей жизни. Чем больше укреплялось абсолютистское государство, тем сильнее становилось у народа желание быть свободным. И люди бежали на Волгу, Дон, Яик, Терек, в Сибирь в поисках «обетованной» земли.

Процесс формирования централизованного Московского государства проходил одновременно с формированием казачества. Оно «возникло, когда удельная стихия пала под давлением самодержавия. Ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз»¹. «Молва о тихом Доне должна была сильно соблазнять крестьянина, подпавшего под тяжкое крепостное иго, если он знал, что никакие силы, ни само правительство, не могли его вытребовать обратно с Дона, хотя бы такой беглый являлся в казачьих станицах в самую Москву»².

Дон долгое время оставался для беглых «обетованной» землей. Естественно, казачество, будучи политически самостоятельным, даже не пыталось приобрести самостоятельную государственность юридически и фактически ее закрепить. И только

¹ К. Маркс. Из записной книжки. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 108.

² В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, стр. 3.

тогда, когда «Вольный дон ... в царствование Михаила Федоровича признал власть московского царя»¹, казачество постепенно стало утрачивать свою автономию. По-видимому, в это время (с 1630 г.) у беднейшей части войска Донского начинает созревать мысль о зависимости от московского царя. Но порвать с Москвою казакам, особенно после возвращения ими Азова туркам (в 1642 г.), оказалось не под силу, как и оградить от вмешательства московского правительства в донские дела.

К началу второй половины XVII в. появились предания, песни, в которых настойчиво повторяется мысль, что Иван Грозный за помощь при взятии Казани якобы пожаловал донским казакам реку Дон от вершины до устья со всеми притоками. Этот мотив встречается и в песнях о Ермаке. Царь прощает ему государственные вины после завоевания Сибири и жалует его за верную службу «славным тихим Доном»². Утопическая версия об особых правах Дона поддерживалась и «домовитым» казачеством, ибо она подтверждала былую вольность казаков в XVI в. Осознание государственности в духе казачьей демократии давало право донской вольнице отстаивать политическую автономию, вплоть до подавления булавинского восстания.

Противоречия и борьба внутри Войска уже в первой половине XVII столетия приобрели социальную остроту. «На Дону постоянно было две партии: «верные», хотевшие соединить свою вольность с повиновением верховной московской власти, и «воровские», которые хотели действовать свободно и сохранить независимость и самоуправление Дона»³.

Беглые из Московского государства во второй половине XVII в. приходили на Дон еще как в «обетованную» землю. Становясь казаками, они убеждались, что это не та счастливая страна, о которой они мечтали, потому что среди казаков уже произошло разделение на бедных и «домовитых».

С начала XVIII в. решительное вторжение Петра I на территорию войска Донского с целью вернуть беглых совсем рассеяло иллюзию о неприкосновенности казачества. Дон из «обетованной» земли превращался в вотчину московского царя. И чтобы сохранить автономию, беглое крепостное крестьянство, голутвенное казачество, работные люди взялись за оружие. Так

¹ К. Маркс. Из записной книжки, стр. 117; В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903, стр. 85, 147, 181.

² П. В. Киреевский. Песни. Изданы Обществом любителей российской словесности, вып. 6. М., 1864, стр. 41.

³ К. Маркс. Из записной книжки, стр. 108; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в., стр. 107.

вспыхнуло антифеодальное движение под руководством К. А. Булавина. Когда вождь восстания был убит заговорщиками из «домовитых»¹, восстание потерпело поражение.

Во время расправы карательной армии кн. В. В. Долгорукого с повстанцами вновь приобретает актуальность идея об «обетованной» земле, казачьей государственности, которая может быть осуществлена только за пределами Московского царства.

С подавлением восстания на Дону закончился третий период булавинского движения. После ухода булавинцев на Кубань начался четвертый этап борьбы — под руководством И. Ф. Некрасова, превратившийся в движение казаков-некрасовцев². Казачество же Дона с конца 1709 г. стало превращаться в служивое военное сословие крепостнического государства.

На Кубани некрасовцы действительно обрели «обетованную» страну. Территориальные просторы на протяжении всей реки еще не были заселены, обжиты. Изобилие плодородной почвы, лесов, рек, озер, дичи, зверя, личной свобода, политическая и религиозная автономия, т. е. своя государственность без царя, бояр, князей, помещиков, — все это позволило «бунтовщикам» обосновать, укрепить войско Кубанское. За его неприкосновенность, самостоятельность они тридцать лет вели ожесточенную вооруженную борьбу с русским самодержавием, втягивая в нее народы Кубани. П. П. Короленко, первый историк некрасовского движения, писал: «Жившие на Кубани некрасовцы были весьма вредны. Они мало того, что принимали к себе беглых из России раскольников, а особенно выходцев из Донского края, но еще волновали против русского правительства все азиатские народы, в Кубанском крае находившиеся... Более всего политическое значение некрасовцев того времени известно было начальствовавшему над русскими войсками... бригадире Бринку»³. Продолжая характеристику, автор добавляет: «Кульбаков (полковник) считал некрасовцев не христианами, а закоренелыми безбожными разбойниками; а Гонбом не находил других средств справиться с ними как только силою орудия»⁴.

¹ Е. П. Подъяпольская. Материалы по истории СССР, вып. V. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 512.

² Ф. В. Тумилевич. Казаки-некрасовцы. «Дон», 1958, № 8, стр. 136.
³ П. П. Короленко. Некрасовские казаки. Изв. Об-ва любителей изучения Кубанской области, вып. II. Екатеринодар, 1900, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 42. Историки прошлого объявили движение некрасовцев чисто раскольническим. Делалось это с целью затушевывания его политической сущности. К сожалению, такой взгляд повторяется и в наши дни

И. Ф. Некрасов, его близкие сторонники на протяжении тридцати лет создавали государственные основы войска Кубанского. Они сформулировали законы республиканско-демократической формы правления (у потомков они известны под названием «Заветов Игната»), регламентировавшие жизнь казачьей республики, оберегая ее членов, их личную и общественную свободу от деспотизма и произвола выборных лиц, эксплуатации одним членом общины другого, внушали идею непокорения царю, запрещали возвращение в Россию при самодержавии¹.

В сознании крепостных крестьян России, бедного казачества Дона, Урала, Терека некрасовцы являлись людьми, построившими жизнь без царя, помещиков. Потому Кубань для беглецов оказалась подлинной «обетованной» землей, куда они устремились большими толпами. Игнат Некрасов лелеял мечту — поднять снова восстание на Дону и в Московском государстве. Он систематически направлял в глубь страны своих подговорщиков и распространителей «прелестных» писем². Сам вождь войска Кубанского приглашал в свою «палестину» всех, кто стремился к политической и религиозной свободе, в том числе и гребенских казаков³.

Успешная агитация посланцев Некрасова на Руси вызвала большой приток на Кубань беглых. Крестьяне, казаки уходили целыми селениями. Петр I, обеспокоенный действиями И. Некрасова, издал в 1720 г. указ, по которому «подговорщики» некрасовцы, а с ними и те, кто их укрывал, карались смертью⁴. На походы войска Кубанского на Русь правительство отвечало карательными экспедициями⁵, а по отношению к беглецам принимало решительные меры, выставляя на южных границах го-

(см. БСЭ, т. 29, стр. 389—390); Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. М., Изд. АН СССР, 1962, стр. 102.

¹ Ф. В. Тумилевич. «Дон», 1958, № 8, стр. 134—146; его же, Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростиздат, 1958, стр. 3—21; его же. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростиздат, 1961, стр. 5—8.

² П. П. Короленко. Указ. соч., стр. 22—26.

³ И. Попко. Тверские казаки. Исторический очерк. СПб., 1880, стр. 102; П. П. Короленко. Указ. соч., стр. 28; Игнат Некрасов особо был расположен к гребенцам. В одном из походов он был ранен, попал в плен к кабардинцам, но гребенские казаки спасли его. Приняв приглашение Некрасова, гребенцы решили уйти, но им помешали правительственные войска.

⁴ И. И. Дмитренко. К истории Некрасовцев на Кубани. Изв. О-ва любителей изучения Кубанской области, вып. 1. Екатеринодар, 1899, стр. 65—68.

⁵ Ф. В. Тумилевич. Указанные работы.

сударства заградительные отряды¹. По далеко не полным данным, с 1719 по 1741 г. от крепостников бежало 500 тысяч человек². Из них немалое число оказалось на Кубани.

Период жизни некрасовцев на Кубани (с 1708 по 1741 г.) является героической эпохой, создавшей условия для появления новых исторических песен, преданий, переосмысления многих произведений общерусского и донского фольклора. Вновь созданные и переосмысленные жанры устной поэзии выражали не только по тому времени прогрессивные чаяния казаков-некрасовцев, но и чаяния трудового крестьянства, казачества.

После смерти И. Ф. Некрасова (1737) походы карательных экспедиций против войска Кубанского участились, усилились репрессии — все это вместе повлияло на развитие противоречий в некрасовской общине, привело к ее расколу. Казачья республика распалась на три группы, которые и ранее в ней имелись.

Когда И. Ф. Некрасов привел на Кубань около 18 тысяч участников булавинского движения (а с семьями — до 80 тысяч), они представляли собой организованную политическую и военную силу³. Все ранее жившие на Кубани старообрядцы (пришедшие с Левкой Манацким в 1688 г., после подавления раскола на Дону) и казаки, а также последующие выходцы из России приняли их имя и в русских официальных документах назывались некрасовцами⁴. Поэтому в войске Кубанском было два противоположных по духу течения. Совместная жизнь зависела от авторитета вождя, его ближайших помощников, воинской силы. По-видимому, И. Некрасов умело использовал кубанских казаков-старообрядцев в борьбе с феодально-абсолютистским Московским государством.

Первая группа — сторонники демократических завоеваний, т. е. собственно некрасовцы. Главная их цель — сохранение политической автономии, «Заветов Игната» и старой веры; вторая — старообрядцы, целью которых было сохранение старой веры, казачьего сословия; третьи — позднейшие выходцы стремились к мирной жизни. Первые не доверяли царям, манифесту Анны Иоанновны, считали, что дальнейшее пребывание на Кубани приведет к потере политической свободы, потому нужно искать новую «обетованную» землю, вторые и третьи находили возможным остаться на прежних местах, так как не яв-

¹ П. П. Короленко. Указ. соч., стр. 24.

² История СССР, т. I. М., Госполитиздат, 1956, стр. 425 и 479.

³ Сб. документов «Булавинское восстание 1707—1708 гг.», М., Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935, № 132, стр. 320; № 137, стр. 325; № 138, стр. 326; № 139, стр. 327; № 140, стр. 330.

⁴ П. П. Короленко. Указ. соч., стр. 19.

лялись политическими противниками русского самодержавия.

Последователи И. Некрасова, которых было большинство, уходят в 1741 г.¹ на Дунай. К ним в 1777 г. приходят с Кубани представители второй и частично третьей групп. Совместная жизнь продолжалась недолго. После взятия в 1791 г. русскими войсками крепости Измаил сторонники И. Некрасова уходят на Энос и Майнос. Оставшиеся на Дунае к 50-м годам XIX в. растворились в массе старообрядцев, позднейших выходцев из России².

Казачьи-некрасовцы на Дунае и на Майносе жили по «Заветам Игната». Их вождь «сумел не только устроить свое Кубанское Войско, но и дать ему прочную организацию, которая, несмотря на всевозможные препятствия», держалась до 1912 г. «в своих главных началах»³. Этот период жизни можно назвать консервацией завоеваний предков, их традиций, культуры, веры. Сохранению национальности, революционных традиций, демократии, основ казачьей общины способствовала та изоляция от чуждого окружения, которую Игнат-казачьи соблюдали на Дунае, на Майносе. Последнее место жительства вначале было для Игнат-казаков также «обетованной» землей.

В. Кельсиев полтора года был у «дунаков» атаманом⁴. В ноябре 1863 г. он посетил некрасовцев Майноса. Знакомство с дунайскими поселенцами (называвшими себя «липованами», а не некрасовцами) и действительными потомками некрасовцев дало ему право сделать объективный вывод. Он писал, что в отличие от старообрядцев Дуная «Майнос в полном смысле слова независимая республика, вассальная султану, имеющая

¹ В опубликованных работах автора данной статьи указано, что некрасовцы ушли с Кубани на Дунай в 1740 г. Эта дата ошибочна. За последние годы мне удалось найти у некрасовцев книги, на полях которых приводятся летописная хронология их истории. Казачь-некрасовец В. И. Макарич (хутор Новонекрасовский) подарил мне «Церковный устав», принадлежавший семье Ястребовых. В конце книги имеется «Круг солнца» — календарь. На 9-м листе запись гласит: «В лето 7249 (1741 г.) с Кубани кочевало войско в Трапезонь, Самсонь, на Дунай от гонения царицы Анны». Точно такая же запись имеется в некоторых книгах у вернувшихся 22 сентября 1962 г. казаков-некрасовцев, проживающих в Левокумском винном совхозе, Ставропольского края.

² Ф. В. Тумилевич. Указанные работы; Х. К. О., стр. 57—66; «Славянский сборник», стр. 609—610; В. Кельсиев. Польские агенты в Царьграде. «Русский вестник», т. 81, 1869, июнь, стр. 521—526.

³ «Славянский сборник», стр. 607.

⁴ В. И. Кельсиев. Исповедь. «Литературное наследство», т. 41—42, 1941, стр. 371; «Пережитое и передуманное». Воспоминания В. Кельсиева. СПб., 1868, стр. 106.

свое законодательство, с правом даже смертной казни над своими членами...»¹.

Консервация не спасла майносскую республику ни от изменений, ни от вторжения в жизнь нового. С каждым десятилетием, отдалявшим потомков от героической эпохи предков, община казаков что-то теряла и что-то приобретала новое. Так постепенно создавались условия для экономического накопления в отдельных семьях, а жизнь вдали от русских границ, царя, бояр, помещиков с которыми им не приходилось уже сражаться с оружием в руках, чтобы отстаивать политическую свободу, наложили свою печать. У потомков некрасовцев ослабела классовая вражда, они уже в своих понятиях отделяли Россию от царя; возрастало желание сохранить все русское. В связи с этим началось переосмысление некоторых «Заветов Игната», особенно тех, которые выражали не национальную, а классово-политическую идею. Если их предки считали священным долгом воевать с русскими войсками — москалями, как силой царя, то майноссцы создали новый завет: «Кровь на кровь войной итить не может», «Крест на крест итить не может»². Такой взгляд на русских привел Игнат-казаков к отказу в 1864 г. от участия в войнах на стороне Турции. Тогда турецкое правительство отобрало войсковые земли, вокруг Майноса стало селить мухаджир (переселенцев — мусульман, черкесов), турок. Свободные участки продало казакам-некрасовцам. К 1866 г. 70 семей Игнат-казаков оказались владельцами земли, в общине произошло экономическое расслоение на рыбаков и землевладельцев³. Из среды первых в 1867 г. выделилось 157 семей, не пожелавших жить в обществе, где появилось неравенство. Они ушли на остров Маду. К 1912 г. мадьевцы вымерли⁴, в живых осталось 8 семей⁵.

На Майносе вслед за экономическим разделением членов общины произошел идейный и религиозный раскол. Тот факт, что рыбаки попали в экономическую зависимость от землевла-

¹ В. П. Иванов-Желудков (Кельсиев). Русское село в Малой Азии. «Русский вестник», т. 63, 1866, июнь, стр. 432, 434.

² Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев, 1961, № 55.

³ Ф. В. Тумилевич. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростиздат, 1958, № 39, 41 (в дальнейшем — Ф. В. Тумилевич. Сказки); его же. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростиздат, 1961, № 55, 57 (в дальнейшем — Ф. В. Тумилевич. Предания).

⁴ Я. И. Смирнов. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского вилайета. «Живая старина», вып. 1. СПб., 1896, стр. 3—31.

⁵ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 50—53.

дельцев, говорил о нарушении основного завета Игната: «казак на казака не работает». С 1872 г. они приняли единоверие, посвящали своих кандидатов в священники в Москве, землевладельцы признали белокриницкое священство. В их среде началось переосмысление «Заветов», песен, преданий об Игнате. Так, в песнях и особенно в преданиях появился религиозно-фанатический взгляд на вождя. Его стали обвинять в святотатстве: стрельбе в знамя, крест, богородицу, литье пуль из крестов, ядер из колоколов. Сами бывальщины на эти темы нами не записаны от землевладельцев, а рыбаки все мотивы, обвиняющие И. Некрасова, приводят в своих бывальщинах, но трактуют их в его пользу.

Нам думается, что бывальщины об «обетованной» стране вызваны к жизни следующими причинами: 1) появлением экономического неравенства на Майносе в 60-х годах XIX в.; 2) нарушением «Заветов Игната»; 3) чуждым национальным окружением; 4) желанием сохранить «Заветы Игната» и ту республиканскую основу жизни, что была на Кубани, Дунае и до 60-х годов XIX в. на Майносе; 5) стремлением к объединению всех некрасовцев, которые, как рассказывают предания, когда-то ушли за Пешаное море (Аравийская пустыня).

Хотя в общине Майноса появились землевладельцы и на них часто работали некоторые семьи рыбаков, власть оставалась в руках последних. Они составляли большинство в Майноской республике. Атаман, есаул, старики выбирались из них, круг проводил решения этой группы, держался «Заветов Игната». Рыбаки не могли отобрать землю, запретить владеть ею 70 семьям, так как собственников поддерживала турецкая власть, хотя во внутренние дела общины она еще не вмешивалась. Продолжалось это до начала XX в.

Социальные противоречия оказали активизирующее влияние на сознание рыбаков, они же поддерживали и мечту, получившую художественное воплощение в преданиях о «царстве» некрасовцев, «Городе Игната». В них противопоставляется идеальная жизнь реально существующей в общине. Первоначальными источниками для разных сюжетов о «Городе Игната» явились бывальщины о разделении войска Кубанского на три части¹. В преданиях это деление не всегда получает исторически

¹ Первая часть — последователи Игната уходят в 1741 г. на Дунай; в 1762 г. из оставшихся на Кубани выделяется вторая группа, которая уходит в Ададу (Самсун). Она впоследствии распалась на синопскую ветвь и чаршамбовскую (устье реки Кизыл-Ирмак — восточное побережье Черного моря). Синопская ветвь перешла на Дунай, а чаршамбовцы ассимилирова-

точное освещение и часто деяния позднейшего времени¹ входят как составные компоненты в сюжеты более раннего происхождения, а многие ранние факты являются достоянием преданий, появившихся в XIX и даже XX в. Тема о разделении войска на три части — одна из центральных в некрасовских бывальщинах, потому что вся история войска Кубанского насыщена различного рода расколами, делениями, отпочкованиями от основного массива (последователей Игната) малых групп, попутчиков. Судьба их трагична — они все погибли. И только основное ядро — «кость некрасовская», как говорят Игнат-казаки, вопреки различным препятствиям, времени, сохранила себя, донесла до наших дней традиции предков, заветы, замечательное устно-поэтическое наследие.

Предания о разделении некрасовцев на три части сюжетно разнообразны, хотя в художественном отношении неравноценны. Имеются три главные версии сюжета, каждая из которых проявляется в вариантах, а последние устанавливают разные причины, обусловившие деление войска Кубанского. Сам же мотив о разделении входит как один из популярных во многие бывальщины.

Первая версия появилась не ранее 1741 г. Ее варианты немногочисленны, но они более соответствуют самим историческим событиям и фактам. Все они выражают одну точку зре-

лись с местным населением; в 1777 г. третья, последняя группа бывшего войска Кубанского переселяется на Дунай.

¹ В 1791 г. последователи И. Некрасова уходят в глубь Турецкой империи. Одна группа — на Энос (берег Эносского залива, устье реки Марицы), вторая — на Майнос (озеро в 25 км от портового города Бандерма на Мраморном море; селение Бин-Эвле, т. е. 1000 домов, или, как турки называли, Эски-казаклар), третья осталась на Дунае. В ее составе оказались в основном выходцы с Кубани 1777 г. В свою очередь они в 1828 г. разделились на две группы: одна по приглашению Николая I переселилась в Россию (живут в селах Старая Некрасовка, Новая Некрасовка в Измаильском районе Одесской области); вторая осталась на Дунае (П. П. Короленко. Указ. соч., стр. 59—63). Они охотно принимали белых из России, преимущественно старообрядцев, и к 50-м годам XIX в. растворились среди них. Но и в этой среде в 1846 г. произошел раскол в связи с образованием белокриницкой иерархии. Часть жителей селений Сары-Кей, Малые и Большие Дунавцы не приняла белокриницкого священства. Их стали называть раздорниками. В 1877 г. раздорники, тяготевшие к социальному устройству общинной жизни, уходят в Азиатскую Турцию. Одна часть поселилась в 5 км от некрасовцев на озере Майнос. Их турки называли ени-казаклар. Другая группа раздорников — на озере Акшехир (Акчаир) и тяготела к мадьявцам. Некрасовцы раздорников называют дунаками, потерявшими «некрасовскую кость», т. е. «заветы», язык, предания и песни об Игнате. Всех же других старообрядцев Румынии, Болгарии называют липованами, т. е. старообрядцами.

ния на раскол войска Кубанского: «Когда был с нами Игнат, он не делил казаков и на Дон и против Катярины (в других вариантах «против царя Ерохи», т. е. Петра I) ходил. А как не стало его, тут и пошло деление¹. Вот тогда и пошли одни на Дунай, другие на Еноз и Майнос, а третьи-то в Расею... Которые в Расею пошли, так они все и погибли²: нельзя было до царицы итить. Игнат знал, когда завет свой оставил: «Царизме не покоряться, при царизме не возвратиться»³. В других говорится: как убили пушечным ядром «Некрасу-сударя», осиротело войско. «После Игната осталось три брата. Они пошли в Турцию... тут же них раскол получился. Одни в Расею побегли, и все погибли... Два другие брата, Голый да Дранный⁴, пошли на Дунай. С Дуная Дранный повел на Еноз и Майнос, а Голый за Пешаное море. Так и разошлись некрасовцы по всему свету белому»⁵.

В вариантах данной версии мотив об уходе одной части казаков «за Пешаное море» постоянен. Он имеет прямое отношение к сюжетным образованиям преданий о чудесном городе. Правда, ушедшие все погибли, как повествуют бывальщины, но сам мотив остается неизменным, определяющим в дальнейшем развитие темы об «обетованной» стране, указывает место, куда пошли казаки, и даже утверждает, что ими построен город.

В этом плане интересно предание «Игнат засватал Катяри-ну», записанное от А. Л. Зайцевой, напечатанное в 1941 г. В нем говорится: И. Некрасов «увел сорок тыщ. Сорок тыщ молодых ребят, окрамя старыва и окромья малыва. И растерялись они по свету. Разделились они на три части. Одна часть пошла назад в Расею и не вернулась. Другая пошла за Аталию (за Анатолию), кто знает куды. Слыхали мы за них, что они в диких мястах живут. И будто бы, они шалками занимаются. Го-

¹ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31, 34; Ф. В. Тумилевич. Предания. № 35, 37, 44, 50.

В одних вариантах Некрасов умирает, в других его убивает Екатерина выстрелом из пушки, в третьих он гибнет в бою. Имя Екатерины в преданиях этой версии позднейшего происхождения. Погиб И. Некрасов в царствование Анны Иоанновны. Образы цариц: Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II — слились в один образ Екатерины.

² Речь идет, по-видимому, о дунайских некрасовцах, переселившихся в Россию в 1928 г.

³ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 34, стр. 199; № 32, стр. 195.

⁴ И. С. Дранный, Н. Голый с И. Некрасовым не уходили на Кубань, они были убиты, но, по-видимому, их родственники или однофамильцы были, так как у некрасовцев фамилия Дранный и теперь имеется, а Голый — превратился в Гоголева. Имя третьего брата не называется.

⁵ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 47, № 37.

род, говорят, они свой построили, облажили его стеной и живут. Правда ли, бряхня ли, не знаем. А на этих стенах будто бы трубы наведенаи. А когда ветер погянет, трубы загудят. А они кричат: «Аляксандр гонить Никидонской». И вот, говорили: молодежь образумитца наперва старых, пойдет, раскидает стены и пройдет. Так и разошлись они»¹.

Приведенная бывальщина — одно из первых произведений, рассказывающее о существовании города некрасовцев за Пешаным морем. Впервые в нем говорится о шелководстве, как основной экономической деятельности казаков. Предположение наше не лишено основания. Во-первых, в 8 вариантах предания (рукопись), близких между собою, нет трактовки «города» как «обетованной» страны некрасовцев; во-вторых, его жители погибают; в-третьих, приведенный сюжет пропагандирует идею, что всякое отделение от войска Кубанского приводит к гибели отколовшихся. Только тогда можно сохранить «некрасовскую кость», когда некрасовцы будут жить вместе. Сказание, по-видимому, возникло после раскола на Дунае. И так как для майносцев дунайская ветвь была потерянной, они на протяжении 37 лет (с 1791 по 1828) добивались переселения с Эноса на Майнос².

Мотивы о «городе некрасовцев за Пешаным морем» и о «шелководстве» стали основными для многих сюжетов преданий о «Городе Игната». Мотив о сватовстве Екатерины к Игнату вошел во многие бывальщины некрасовцев³.

Вторая версия позднейшего происхождения. Появилась она в начале XIX в., но самой популярной стала только в 60-е годы, в период социального расслоения майносской общины, усиления противоречий, идейной борьбы между рыбаками и землевладельцами. Во всех вариантах речь идет о приходе с Кубани на Майнос всего Войска с И. Некрасовым. «40 тысяч сердовых⁴ казаков, кроме малого, кроме старого и женщин привел Игнат-сударь». Когда же были построены станицы, обнесены стеной, начался раскол на три части⁵.

¹ Ф. В. Тумилевич. Фольклор некрасовцев. Ростовское областное книжное издательство. Ростов-на-Дону, 1941, № 33, стр. 85.

² В. П. Иванов-Желудков (Кельсиев). Русское село в Малой Азии. «Русский вестник», т. 63, 1866, июнь, стр. 421—422.

³ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31, 33; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 25, 27, 31, 34, 47.

⁴ Сердовые казаки — среднего возраста, т. е. служивого. В некоторых бывальщинах слово «сердовое» заменяется словом «кавалерия».

⁵ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31, 34, 36, 40; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 32, 35, 37, 43, 44.

Для этого цикла рассказов характерна тенденция — объяснить раскол жизненно-реальными причинами. К ним относятся: 1) желания братьев Игната быть самостоятельными атаманами¹; 2) большая смертность на Майносе — «гнилая» земля²; 3) нарушение братьями «Заветов Игната»³; 4) попрание веры И. Некрасовым⁴; 5) суеверное отношение религиозных фанатиков к проклятию некрасовцев царицей⁵.

Последняя причина культивировалась и распространялась в мистическо-образном освещении ревнителями старой веры. Бывальщины рыбаков не отрицают «проклятья Екатерины», но говорят, что Игнат-батюшка его не боялся⁶. Все рассказчики преданий приводят его. В одном повествовании читаем: «Известное дело, Игнат-то знал ее (царицыны) подлые дела и решил с Кубани уйтить». Тогда царица сказала: «Идите в чужую землю и чтоб вы там не прибавлялись, а убавлялись. Будьте вы прокляты!»⁷. В трактовке религиозных фанатиков «проклятия» превратились в змею, преследовавшую казаков, но ее убил Игнат-сударь⁸. Именно этой причиной они объясняют вымирание некрасовцев на чужой земле.

В противовес религиозным фанатикам, рыбаки старались успокоить общественное мнение и разъяснить Игнат-казакам несостоятельность причины, объяснявшей вымирание. По их мнению, «только Иван Дранный да поп Иван Грозный правду гутарили». Дранный говорил: «На чужой земле обязательно убавляться станешь. Все чужое: земля, люди, язык, климант — не тот»⁹. В заключение рассказчица М. М. Гоголева добавила: «Верные слова. Сами теперича видим. Как пришли на родину, так мы стали прибавляться. Все свое: земля своя, неподморная, кругом живут свои. Куда не пойдешь — язык один, врагов нет, климант хороший...»¹⁰. Священник Ивануткин, прозванный Иваном Грозным за твердый, решительный характер (90-е годы XIX в.), на вопрос: «Правда ли, что Катярина прокляла нас?»

¹ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 43, 53.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 44.

³ Там же, № 32, 37, 38, 43, 50.

⁴ Там же, № 35.

⁵ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31, 33, 37; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 28, 34, 43.

⁶ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 43.

⁷ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31.

⁸ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 43.

⁹ Там же, № 34.

¹⁰ Там же.

отвечал: «Запятыя Катярины — пустое, небожественное»¹. Политическое и религиозное объяснение «проклятья» рыбаками утверждало непогрешимость всего, что делал И. Некрасов и его сторонники.

По мнению фанатиков, раскол Войска на три части произошел в результате попрания Игнатом веры. Бывальщина, хотя и единственная на эту тему, очень выразительна. В ней рассказывается: когда Игнат Некрасов пришел в Турцию, султан не разрешил ему со своим народом войти в страну, потребовал клятвы, что Некрасов не будет завоевывать турецкую землю. Игнат дал клятву, султан не поверил, потребовал подкрепить ее выстрелом в знамя. Следом за некрасовцами шла с войсками царица. Деваться некуда, тогда «сударь» выстрелил. После клятвы два его брата сказали:

«— Чего это ты, Игнат, делаешь?! От чего мы уходили, до того пришли?»

— А от чего мы уходили? — спросил Игнат братьев.

— От того, что царица гонение делала на нас и нашу веру. Крест наш попирала, знамя прострелила, а ты в крест сам стрельнул, клятву басурманину дал. Ты попираешь веру. Вот мы и пришли с тобой до того, от чего уходили. Не уйдешь, Игнат, от себя и своей крови. Надо на Дон возвратиться»².

Как видим, политическая основа борьбы Игната и его последователей подменяется исключительно религиозной. Эта же группа сторонников веры обвиняла вождя в святотатстве: стрельбе в знамя³, крест⁴, богородицу, литье пуль из крестов и ядер из колоколов⁵, в сожжении церквей, их ограблении⁶. Рыбаки упорно, последовательно доказывали, что обвинения являются пустыми, так как вождь делал все это во имя спасения народа, потому «на Игнате вины нет»⁷, а теми «пулями, ядрами в царицыно войско, князьех да боярох стрелял Игнат»⁸. Больше того, «раскольщики», последователи религии, уйдя от Некрасова, гибнут; одни — от царицы, другие — во время шторма⁹.

¹ Там же.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 35.

³ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31, 34; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 33, 34, 35.

⁴ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 33, 34.

⁵ Там же, № 29, 31.

⁶ Там же, № 29 и стр. 252—253.

⁷ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 34.

⁸ Там же, № 29.

⁹ Там же, № 35.

В преданиях второй версии развивается идея о бессмертии вождя¹. И только в некоторых из них высказывается сомнение в бессмертии И. Некрасова. Найди он «обетованную» страну, «беспременно пришел бы» за майносами, «может, умер Игнат-сударь... Был ба живой — объявился»². Во всех указанных бивальщинах И. Некрасов уходит за Пешаное море на поиски казаков, ушедших с одним из братьев. Не найди их, строит свой город. Этот мотив становится главным для создания различных сюжетов о «Городе Игната». На него некрасовцы ссылаются как на реалистическую основу.

Варианты третьей версии также многочисленны в общем прозаическом наследии казаков. Она особенно развивается во второй половине XIX в. В одном из опубликованных вариантов утверждается, что раскол на Майносе произошел после ухода И. Некрасова за Пешаное море. С этого времени начали ходить «слухи, будто он живет за Пешаным морем. Город свой построил, автономию имеет»³.

Вопросы об автономии, сохранении республиканского общегития, жизни майносцев по «Заветам Игната» особо волновали рыбаков-некрасовцев.

По своему содержанию, идее, социальному звучанию предания о «Городе Игната» представляют особую группу устнопоэтических произведений в общерусском фольклоре и не имеют себе подобных. В них выражена не только мечта о счастливой жизни в «обетованном» городе и стремление отыскать его, как место царства справедливости, но и горечь по утрате такого счастья. Прообразом «Города Игната» является Майносская республика с ее демократическим правлением⁴.

Бивальщины, характеризующие жизнь на Майносе до социального раскола, осуждают изменников Войску, «Заветам Игната», в них выражено восхищение демократическими свободами, порядками, установленными вождем, прославляется его мудрость. Идеальный строй правления, по мнению старшего поколения, жившего еще на Майносе по традициям предков, предусмотрен заветами Некрасова. Они определяли жизненные принципы республики, права ее членов.

Вся власть принадлежала кругу, управление было свое, к туркам не обращались, атаман избирался на год. Без воли

¹ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 31, 36, 38, 39; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 34, 37, 42, 43, 44, 48, 49.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 35.

³ Там же, № 53.

⁴ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 27, 33, 37—41.

круга он ничего не мог делать, за нарушение заветов его могли «поучить» (посечь плетью) или отстранить от атаманства¹. Для этого стоило только позвонить в колокол, и все знали, что собирается «Игнатов круг» — круг справедливого суда над атаманом. На него приходили все от мала до велика. После наказания атаман должен был поклониться кругу на все четыре стороны и сказать: «Спаси Христос, что поучили, атаманы-молдцы»². Если он так не говорил, его еще раз секли, после чего объявляли за нарушение «Завета Игната» бунтовщиком, а бунтовщика мог убить всякий. Самый лучший по своим делам атаман мог избираться только до трех раз. По тем же заветам вождя в четвертый раз один и тот же человек не мог быть избран, потому что власть, считали некрасовцы, портит человека.

Наиболее характерный из «Заветов Игната»: не держать тюрем. С 18-летнего возраста юноша считался казаком, он был обязан принимать участие в решении круга, за неявку били плетью. С 30-летнего возраста казак мог занимать воинские должности (есаул, полковник); в 40 лет мог быть избран походным атаманом; с 50 лет — в войсковые атаманы, старики, члены «синода», т. е. сената³. Запрещалось выставлять в поход заместителя, а тех, кто нанимал его за деньги, казнили смертью. Виновность члена общины устанавливал круг. За измену войску — расстрел. За убийство члена общины виновника закапывали по шею в землю; за попытку убить члена общины виновного били артелью, если он выживал — выдавали кругу, а круг — головою тому, на кого он покушался. Пострадавший мог убить виноватого, но мог и простить. За воровство били батогами до смерти. «Валяясь на своей земле мешок червонцев, нельзя брать ни одного»⁴. Никто не имел права общаться с турками. За брак с иноверцами наказывали смертью⁵. Одну треть заработка казак отдавал в войсковую казну. Доход казны тратился на школу, на помощь престарелым, больным, вдовам и сиротам, на вооружение войска. Казак на казака работать не должен. Бедным помогал явно только круг. Тайно помогал вся-

¹ Там же, стр. 14—15 и № 38; В. П. Иванов-Желудков (Кельснев). Русское село в Малой Азии, стр. 440—443.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 38, стр. 175; В. П. Иванов-Желудков (Кельснев). Русское село в Малой Азии, стр. 446.

³ М. Чайковский (садык-паша). Записки «Киевская старина», 1892, № 10, стр. 110—111.

⁴ В. П. Иванов-Желудков (Кельснев). Русское село в Малой Азии, стр. 443.

⁵ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 37 и стр. 14—15; М. Чайковский. Записки, стр. 114. В дальнейшем — см. указанные источники.

кий, чтоб глаз человеческий не видел; кто подал тайно, да разгласил — били плетью до смерти¹. Младшие обязаны почитать старших.

Особый интерес представляют заветы об образовании: некрасовцу без учения нельзя. Учить казаков и женщины грамоте. Учителей назначает и платит им круг. Попы учат безденежно, если они берут плату — учить плетью. О религии заветы не многочисленны: держаться старой веры. Попов никонианского и греческого рукоположения не принимать. Попа, не исполняющего волю круга, можно убить, как бунтовщика, еретика. Поп не должен вмешиваться в дела круга и общины, за нарушение — смерть.

В общем законодательстве майносовцев имеются «Заветы Игната», оберегающие права женщины. В предании «Игнат запретил казакам обижать жен» говорится: когда Некрасов вводил свой народ, он сказал: «Глядите, казаки, идем с вами в чужую землю, в Турцию. Соединяться с турками — не соединяйтесь, на турецких женщинах не женитесь, а кто нарушит мое слово, того казнить смертью. Своих женщин берегите. Что будете делать, когда их не уберезете? Весь корень наш пропадет»².

Оберегая «некрасовский корень», заветы оберегали права женщин. Муж должен относиться к жене с уважением. Женщина — мать, обижать ее нельзя. Мужа, обижающего словом и действием жену, бить плетью. Круг дает развод, и жена может выйти замуж за любого, кто посватает. За «ученого» казака никто не выходил замуж. За изнасилование женщины преступника бить плетью до смерти³. Измена мужа жене, как и жены мужу каралась смертным наказанием. Некрасовке разрешалось даже входить в алтарь, она — существо чистое⁴. Даже этот факт опровергал ограничения женщины христианской религией.

После 1864 г. идеальные основы общественной и экономической жизни начали разрушаться. Отсюда вполне закономерное стремление последователей «Заветов» задержать этот процесс. Но жизнь шла вперед, отодвигая и разрушая государственные нормы Майносовской республики. Тогда рыбаки всем нарушениям стали противопоставлять прежний образ жизни. И чтобы внушить молодому поколению мысль о незыблемости государ-

ственных основ, данных И. Некрасовым, они утверждали, что существует «обетованная» земля Игната, его город.

Счастливую жизнь в «Городе Игната» они не представляли себе без творческого труда. Игнат Некрасов и его последователи превращают пустыню в цветущий сад, общественной жизнью управляет круг, в котором принимают участие мужчины и женщины; атаман, есаул избираются на один год; мальчишки и девочки совместно обучаются в школе. Жители города равны в политическом и экономическом отношении; бедных, нищих, воров у них нет; браки заключаются по любви; женщин мужья не обижают. Если атаман нарушает существующие законы, его лишают атаманства и «учат»; тюрьмы нет, нет рабства, казак на казака не работает; занимаются рыболовством, шелководством, садоводством¹.

Тематически эти предания представляют следующие сюжеты: 1) предания о расколе некрасовской общины на три части; 2) об уходе Игната Некрасова с небольшой группой казаков за Пещаное море для отыскания свободной земли; 3) о волшебном корабле Игната; 4) о постройке города на берегу моря; 5) о жизни некрасовцев в «Городе Игната»; 6) поиски майносовцами «Города Игната»; 7) поиски жителями «Города Игната» некрасовцев, проживающих на Майносе и Маде; 8) о гибели «Города Игната».

Все бывальщины этого цикла — сюжетные произведения. Чудесные мотивы — неотъемлемые компоненты повествования.

Возвращение в Россию немислимо, царь может всех казнить, жить на Майносе нельзя — рушатся устои, и только в «Городе Игната» сохранилось социальное равенство. И потому чем сильнее росли противоречия в Майносовской общине, чем больше нарушались «Заветы Игната», чем быстрее распадался республиканско-демократический образ жизни, тем настойчивей было желание его сохранить. Но удержать общину от распада рыбачье население бывальщины о «Городе Игната». В сознании казаков «Страна Игната» такой должна быть, какой был Майнос до социально-экономического расслоения.

Последовательное развитие темы первоначально уходит в предания, рассказывающие о разделении Войска на три части. Игнат Некрасов привел свой народ на Майнос, осушил болота, построил 10 станиц, обнес их стеной, «а сам пошел с 300 каза-

¹ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 36; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 42—46.

¹ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 38, 39, 40; Ф. В. Тумилевич. Предания, № 39.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 40.

³ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 40; М. Чайковский. Указ. соч., стр. 111.

⁴ Ф. В. Тумилевич. Предания, стр. 15—16.

кох и женщин за Пешаное море искать землю для некрасовцев. В пустыне он построил город, насадил леса, сады».

Это предание, на наш взгляд, является первоначальным источником, породившим во второй половине XIX в. у некрасовцев различные сюжеты и их версии о «Городе Игната».

Героическая эпоха в истории казаков-некрасовцев окончилась еще на Кубани в XVIII в. Она привела войско Кубанское к завоеванию политической автономии, осуществлению социальной справедливости в тех понятиях, которые присущи были крестьянству и казачеству в то время. Это был «золотой век» в жизни Игнат-казаков, получивший всестороннее освещение в устной поэзии. Начиная с 40-х годов XIX в. майносы постепенно теряли приобретенное предками в борьбе. Потери завоеваний с каждым десятилетием, отдалявшим потомков от «золотого века», с большей силой пробуждали, активизировали желание вернуть прошлое, задержать от утраты сохранившееся. Желание получало соответствующую форму выражения сознания — противопоставление действительности лучшего минувшего. Но вернуть его они были не в состоянии. Тогда действительному стали противопоставлять «обетованную» землю, якобы существующую где-то за Пешаным морем. Так родилась социальная утопия о «Городе Игната».

Первым по времени своеобразным художественным произведением (в смысле развития логической последовательности темы), повествующим о конкретных деталях построения «Города Игната», следует считать полумифическое предание «Игнат змею убил». Оно имеет генетическое значение в изучении общего становления темы об «обетованной» стране некрасовцев и ее проявлении в конкретных сюжетных формах, составивших впоследствии особый цикл бывальщин у некрасовцев Майноса и Мады.

Предание «Игнат змею убил» синкретично по мотивам, темам отражаемой действительной, вымышленной и чудесно-сказочной истории. Сюжет бывальщины состоит из 9 самостоятельных частей, логически связанных между собой главным героем — И. Ф. Некрасовым: 1) уход И. Некрасова и его последователей с Кубани на Майнос; 2) проклятие некрасовцев царицей; 3) измена О. Гончарова¹; 4) раскол войска Кубанского на три ча-

¹ Образ анахроничен. Осип Семенович Гончаров — лицо действительное (1796—1879 г.) — родился на Дунае в селе Сары-Кей, дед его украинец. С 1830 по 1870 г. был атаманом у дунайских поселенцев, т. е. липован. См. о нем: «Славянский сборник», т. 1, 1875 г., стр. 613—620; В. Кельсиев. Польские агенты в Царьграде. «Русский вестник», ноябрь 1869 г., т. 84.

сти; 5) превращение проклятия царицы в черную змею, преследующую некрасовцев; 6) заселение Майноса; 7) уход И. Ф. Некрасова за Пешаное море; 8) построение чудесного города; 9) забота И. Ф. Некрасова о майносах¹.

Каждая часть самостоятельна, встречается в других бывальщинах в виде мотива, эпизода или как тема сюжетного повествования. 8—9-я части имеют непосредственное отношение к нашей работе.

Предание рассказывает о трудном пути, о борьбе Игната с черной змеей. Когда Некрасов привел с собою казаков за Пешаное море, он приглядел место, начал строить город. «Кругом ни кустика, ни травинки, один мертвый песок. Время идет. Построил Некраса город, а потом начал стену округ города строить. Кладет он с казаками стену, а тут — черная змея появилась. Ползет она через стену, норовит в город попасть. Ни Игнат, ни казаки не замечают ее. Только слышат — змея шипит резко. Глянули, а это серая змея (добрая чудесная помощница. — Ф. Т.) бросается на стену, а на стене черная змея. Серая вдарила хвостом, черная упала на землю. Тогда Игнат выхватил из ножен невлажданную² шашку да разрубил черную змею пополам. Перегнулась половина черной да как вдарит хвостом серую, она и претворилась [превратилась] в большую кучу разноцветных зернышек, одна только голова от нее осталась». Некрасов разрубил черную змею, казаки ее сожгли, пепел по пустыне развеяли. Игнат ударил шашкой по голове серой змеи, а из нее выпал чудесный рубин. Поглядел он в него и увидел Майнос. И. Некрасов тогда сказал казакам, чтоб они собрали разноцветные зернышки. «Собрали. Идут все, а Некраса наберет в горсть зернушек да бросает их по степу. Все места пустыне округ города позасеял. Прошло сколько-то время, глядят казаки, а кругом города лес вырос, цветы. Тютины было в том лесу видимо-невидимо. Посеял те семена Некраса и в самом городе. Выросли сады, а в них разные цветы, деревья: инжир, яблоки, сливы, персики, виноград, пальмы. Вот и стали казаки в том городе шелками заниматься. Живут они хорошо. Женщины вместе с казаками кругом правят, грамоте учатся. Казаки своих жен любят, обиды им не делают. Некраса и нам на Майнос тех разноцветных зернушек прислал»³.

стр. 177—194; А. И. Герцен. Былое и думы, 1958, т. 3, ч. 7, глава 2 — В. И. Кельсиев». М., ГИХЛ. А. И. Герцен дает Гончарову отрицательную характеристику, а некрасовцы Гончарова называют изменником.

¹ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 43.

² Невлажданная шашка — не бывшая в употреблении.

³ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 43, стр. 191—192.

Волшебнo-фантастический и реалистический принципы мышления у некрасовцев слиты в единый сплав, он характерен для ранних рассказов о «Городе Игната». Поэтому образы чудесных помощников отражают в преданиях таинственные силы природы, которые уже «приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»¹. В сознании Игнат-казаков противники счастливой жизни народа — цари с царицами. И если они сами помешать не могли И. Некрасову и предкам уйти от них, создать свое войско Кубанское, то царица-еретичка проклинает, а проклятие, превратившись в змею, следует за ними, принеся смерть. Уничтожение черной змеи Игнатом символизирует освобождение потомков от тяготевшего над их умами, психологией «проклятья царицы», которое якобы являлось причиной вымирания некрасовцев на чужбине.

Фантастика в предании — не бесплодная мечта. Она объясняет занятие жителей чудесного города шелководством, в ней имеются реалистические детали, взятые из жизни, упорно акцентируется внимание на труде И. Некрасова и казаков, на том, что их вождь делал всегда только то, что нужно было для народа, что благословляли старики, круг.

Во втором предании «Уплыл Игнат на корабле» сюжет также использует чудесный мотив о корабле, плавающем по морю, едущем по земле (сказочный мотив, см. указатель АН, № 513. В). На нем «Некраса-сударь» уплыл, чтоб найти для майносцев «обетованную» землю. И он ее «нашел, царство некрасовцев построил. Город у них обнесен стеной каменной, а округ города ни туркох, ни мухаджир, ни грекох нет. Земли хорошие, лесох много. Город стоит на берегу моря. Казаки рыбалют, занимаются шелками, ходят на охоту, сады у каждого, и нет у них ни бедных ни сирот, ни хворых. Климант дюже подходящий для человека.

Сказывали греки, что люди того царства ни явно, ни тайно милость никому из своих не подают — нужды в том нет. Женщины на Игнатовой земле с казаками кругом правят». В заключение рассказчица, обращаясь к слушателям, добавила: «Вот, мои деточки, как там живут! У нас на Майнозе одни казаки грамоту знают, а женщин старики не учат — отошли от Игнатова слова, в том городе и девки в школу ходят...»².

И в первом и во втором рассказах отправным моментом для повествования об «Игнатовой земле» является собственная история, жизнь на Майнозе и ей противопоставляется царство не-

¹ Ф. Энгельс, Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIV, стр. 322.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 42, стр. 187—188.

красовцев, копирующее «золотой век» Игнат-казаков, их республиканский строй. И это, конечно, не консервативная и не бесплодная романтическая мечта, потому что политическая автономия труженников и демократия в крестьянско-казацком понимании продолжала оставаться более прогрессивной формой жизни, в сравнении с тем, что имело крестьянство и казачество в России в XIX в.

Наиболее полно в реалистическом плане изображается бытовая сторона жизни, общественная форма правления, правовое положение женщины в «Игнатовом царстве» в предании «Город Игната»¹. Во всей этой обрисовке видно повторение того, что когда-то было у майносцев до 40-х годов XIX в. Их республика явилась прототипом для «обетованной» страны. Такие бывальщины, как «В городе Игната не признали наших»², «Корабль из города Игната»³ дополняют основное представление о том, каким должно быть «царство некрасовцев».

Появление предания «Город Игната»⁴ можно отнести примерно к 1866 г. Определение возраста предания базируется на показании рассказчицы Т. И. Капустиной⁵, которая подчеркивает, что повествование она слышала от странницы, когда была молодой. Конечно, в этом сообщении немало домысла, внесенного и самой Капустиной, но он не выходит за рамки представлений казаков-некрасовцев об «Игнатовой земле».

Обращаясь к слушательницам — казачкам Майноса, странница сообщила: «Живут такие люди, похожие на вас, на берегу большого озера (в вариантах «на берегу моря». — Ф. Т.). Город у них большой, пять церквох в нем, обнесен он высокой стеной: четверо ворот — на запад, восток, север, юг. Ворота все закрыты. Только восточные открыты бывают днем. На воротах стоят оруженные часовые, а ночью и по стенам часовые ходят. В город свой те люди никого не пускают. Живут богато. У каждого каменный дом с садом, на улицах и в садах цветы цветут. Такая красота кругом!

Занимаются те люди шелками, обиды ни людям чужим, ни друг другу не делают. Женщины у них красавицы, разноряжены: носят зеньчуг, рубены, золотые монисты, лестовки янтарные. Но-

¹ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 34.

² Ф. В. Тумилевич. Предания, № 44.

³ Там же, № 45.

⁴ Версии, варианты разбираемых бывальщин, новые сюжеты мы не приводим по той причине, что все они не опубликованы, да и сама наша работа по своим целям исключает их анализ. Подробное изучение дается в работе: Ф. В. Тумилевич. Предания о «Городе Игната» (Рукопись).

⁵ Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 36, стр. 203.

сят они сарахваны из серебряной и золотой парчи, а рубашки из лучшего шелка. Живут там женщины, как царицы. Мужики их любят, пальцем не трогают (на Майносе к этому времени уже нарушались «Заветы Игната» о правовом положении женщин. — Ф. Т.). Не дай господь, какой мужчина обидит свою жену — его за то смертью наказывают. Слыхала я — женщины и на круг ходят, и грамоте обучаются с дьячками¹ вместе.

В город свой те люди мужчин не принимают и не пускают, а женщин принимают. Кто ни пройдет, того накормят, напойт, оденут и проводят ласковым словом: «Спаси те Христос»². По словам странницы, ее в тот город приглашали жить. Ее даже впустили в него, тут-то она и «увидала, как они богато живут».

Т. И. Капустина уверяла, что после ухода странницы «пошли разные слухи о том городе». Но и до нее, оказывается, они были, и старики ходили по разным странам, разыскивая «Город Игната»³. Два других предания, по мнению некрасовцев, подтверждают⁴ существование города.

Проблема равенства женщины волновала казачек Майноса и Мады. И, конечно, не без их участия в преданиях внесены детали, говорящие о совместном управлении кругом, обучении, о подлинной любви мужчин к женам и о наказании их за обиды, причиненные женам.

Из рассказов представителей старшего поколения, да и из самих преданий видно, что жители Майноса и Мады разыскивали «обетованную» землю. Круг на Майносе и Маде вменил в обязанность казакам, уходившим на рыбный промысел, не только отыскивать места хорошего рыбного лова, но и «Город Игната». Несомненно, поиски приводили к рождению различных рассказов, версий, вариантов. Они-то и свидетельствуют о новом взгляде на социальную утопию отыскивающих, о рождении ими новых идей, образов и, наконец, о разрушении идеи об «обетованном» городе. Варианты как раз характеризуют те пути, которые прошла социально-утопическая мечта некрасовцев Майноса за целое столетие.

Вся вторая половина XIX в. прошла в поисках обетованной земли⁵. Многие из путешественников, не найдя ее, при возвращении уверяли, что им встречались греки, арабы, цыгане, кото-

¹ Некрасовцы школьников называют дьячками. Дьяк — писец.

² Ф. В. Тумилевич. Сказки, № 36, стр. 203—204.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 44, 45.

⁵ Мотив о счастливом городе стал достоянием сказок. См. Ф. В. Тумилевич. Предания, № 7.

рые бывали в «Городе Игната», они даже указывали путь к нему ... И только некрасовцам не удавалось его найти. Время шло. На смену этим вымыслам приходили другие: «Игнат прячет свой народ от майноских и мадьевских казаков, потому что они нарушили завет»¹.

Неудачи не пошатнули веры в существование «некрасовского земного республиканского рая». Одним из неутомимых искателей был Егор Иванович Семутин (1825—1923 г.). Он 40 лет отыскивал чудесный город. Побывал в Африке (Египте, Эфиопии), странах Ближнего и Среднего Востока, вплоть до Индии и Китая². Исходив безрезультатно многие страны, Семутин не хотел разубеждать своих людей. Таким ответом явилось предание, несомненно, созданное им, «В городе Игната не признали наших»³.

Поиски города удерживали некрасовцев от возвращения на родину. Но в начале XX в., не позднее 1910 г., старшее поколение рыбаков-некрасовцев убедилось в бесплодности поисков «Игнатово царства» и ушедших с Некрасовым казаков. Майносовцев ничто уже не связывало с Востоком. Но примириться с мыслью, что «царства Игната» не было, они не могли. В их сознании рождаются различные объяснения. Одно из них получает форму предания «Некрасовцев разбойники вырезали»⁴. Раз некрасовцев в «Городе Игната» вырезали и их больше нет, следовательно, больше нет и республиканского города, поэтому незачем оставаться в Турции.

Предания о «Городе Игната» — важная социальная тема в устной поэзии казаков-некрасовцев. Они в отличие от утопических сказаний, рассмотренных нами, более реалистично выражают идеи о республиканском общежитии, политической автономии народа, живущего без царя, бояр, помещиков. Им чужды религиозно-мистические мотивы, как идеал, присущий легендам о Беловодском царстве, граде Китеже, «Сказанию об Индийском царстве».

У нас нет доказательств о прямой, и даже косвенной связи социально-утопических идей некрасовцев с такими работами, как «Государство» Платона⁵, «Город Солнца», Кампанеллы⁶, «Утопия» Томаса Мора⁷. Правда, некоторые начетчики Май-

¹ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 45.

² Там же, стр. 259.

³ Ф. В. Тумилевич. Предания, № 44.

⁴ Там же, № 46.

⁵ М. Рой. История индийской философии. М., ИЛ, 1958, стр. 87—91.

⁶ Кампанелла. Город Солнца. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 3—225.

⁷ Томас Мор. Утопия. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 5—222.

носа, как, например, С. Ф. Шашкин¹ и другие знали латинский, греческий языки, и можно бы предположить, что им эти работы могли быть известны. Но такое предположение опровергается самими преданиями о «Городе Игната».

Платон в своем «Государстве» разделил всех граждан на три категории: простолюдинов, воинов, философов. В руках последних должна быть сосредоточена власть. По усмотрению власть руководит даже половыми связями; государство отбирает детей у родителей, воспитывает их в нужном для него направлении. Все делает, чтобы родители в дальнейшем не могли узнать своего ребенка². Ничего подобного в «Городе Игната» нет. Жители все равны в труде, образовании, управлении общиной, и каждый может быть избран руководителем — атаманом, но только на один год.

В «Городе Солнца» Кампанеллы верховный правитель — священник, при нем состоят три соправителя: мощь, мудрость и любовь. У жителей этого города все общее. Должностные лица следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем ему следует; виновных лишают в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами; должностные лица получают большие и лучшие порции; женщины статные и красивые, соединяются только со статными и крепкими мужчинами; имеются и презренные женщины, не способные к деторождению. Они используются для наслаждения подрастающих молодых людей³.

О таком «равенстве» некрасовцы не мечтали. Они не признавали вмешательства духовенства в дела общины, круга, а если священнослужитель вмешивался, его объявляли еретиком. Такого попа, по Завету Игната, можно убить. Общее между «Городом Солнца» и «Городом Игната» имеется в двух пунктах: и у тех и у других нет тюрьмы, и всех входящих не впускают в свой город, кормят посторонних на общий счет три дня. Такое совпадение еще не говорит о заимствовании у Кампанеллы.

В «Утопии» Мора имеются люди, которые из религиозных побуждений обрекли себя на самые неприятные работы. Имеется особая социальная категория — «рабы» — люди, приговоренные к пожизненным принудительным работам, или пленные⁴. Такой категории людей в «Городе Игната» нет. Общее между платоновским «Государством», «Городом Солнца» Кампанеллы,

«Утопией» Мора и преданиями о «Городе Игната» — это совместное образование, равноправие мужчин и женщин в управлении городом. Но, в отличие от них, в преданиях о «Городе Игната» женщина пользуется большим уважением, доверием, любовью и действительным равноправием. Она охраняется заветом «Обижать женщину нельзя, она — мать. От нее род идет».

Отличие преданий некрасовцев о «Городе Игната» от указанных философских сочинений очевидно. Первые создавались самим народом и выражали его мировоззрение, идеалы, рожденные борьбой с русским самодержавием за политическую автономию, за республиканско-демократический образ жизни. Они являются художественными произведениями.

Вторые — созданы для народа, без учета его действительного желания и представляют собой теоретические изыскания, и поэтому известны только узкому кругу образованных читателей.

Мы не можем отрицать влияния восточных народов на формирование утопии у некрасовцев. Те же предания говорят, что Игнат-казаки часто слышали рассказы от греков, арабов, странниц и странников о людях, похожих на них, которые живут в своем городе, имеют равенство. Возможно, эти свидетельства достоверны и не являются художественным приемом мотивирования сюжетов. Даже в этом случае слышанное переосмыслено майноссцами и мадъевцами. Переосмысление шло в соответствии с существовавшими у них порядками, «Заветами Игната», господствовавшими в «золотой век» некрасовской республики.

Ростов-на-Дону

¹ Ф. В. Тумилевич. Предания, стр. 244—245.

² М. Рой. История индийской философии. М., ИЛ, 1958, стр. 87—91.

³ Кампанелла. Город Солнца. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 61—63.

⁴ Томас Мор. «Утопия». М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 167—180.

СОДЕРЖАНИЕ

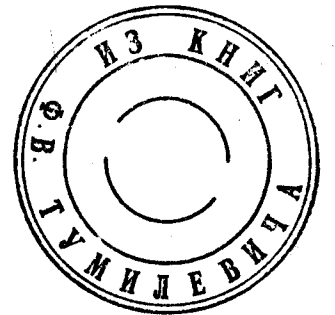
От редколлегии	3
М. В. Капустин. Значение и задачи конференции о донском народном творчестве	5
Б. Н. Путилов. Некоторые общие проблемы истории казачьего фольклора	14
Г. А. Червяченко. Судьбы исторического эпоса на Дону	29
И. Н. Сутягин. Н. А. Добролюбов о казачьей песне	40
А. М. Астахова. Вопросы изучения донской былины	50
В. К. Соколова. О некоторых особенностях казачьих исторических песен	70
А. А. Горелов. Донские песни о Ермаке	82
Л. С. Шептаев. Донские песни разинского цикла	97
Б. Ф. Любченко. Донские исторические песни периода азовских походов Петра I	114
Ф. В. Тумилевич. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове	125
А. В. Позднеев. Собрание и публикация донских песен	157
Я. И. Гудошников. Казачьи песни в районе Верхнего Дона	171
Г. В. Головачев. Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону	179
Ф. В. Тумилевич. К вопросу о сохранности и классификации песен казаками-некрасовцами	191
Е. И. Коротин. Образ Дона и Урала в донских и уральских песнях	215
П. И. Ковешников. Частушки Северного Донца	225
Б. М. Добровольский. Работа А. М. Листопадава над песенным фольклором донских казаков	230
Т. И. Сотников. Музыка песен казаков-некрасовцев	249
П. П. Назаревский. Донская тематика в творчестве советских композиторов	278
И. Г. Панневиц. Донская песня в романе С. П. Злобина «Степан Разин»	282
И. И. Улыбышев. Донские песни в романе М. Шолохова «Тихий Дон»	290
В. П. Самаренко. А. А. Догадин — собиратель песен астраханского казачества	302
И. А. Мохирев. Новый вариант драмы «Ермак»	312
Ф. В. Тумилевич. Предания о «Городе Игната» и их источники	315
Н. Комовская. Общность и различие преданий об Игнате Некрасове и Кузьме Рошине	346
В. И. Кругляшова. Предания уральских казаков и горнозаводского населения Урала о Емельяне Пугачеве	358

К. К. Удовкина. Из наблюдений над говором казаков-некрасовцев	370
Л. А. Введенская. Лексико-синтаксические повторы в беседных песнях казаков-некрасовцев	377
А. Н. Качалкин. Лексические диалектизмы в письменных памятниках Дона XVII—XVIII веков и песенных записях А. М. Листопадава	388
А. И. Кретов. О словарном составе донских частушек	398
Э. В. Померанцева. Фольклорная работа Цветаны Ст. Романской	404
Ф. И. Тюрморезов. История, литература и фольклор о героях гражданской войны	408
М. А. Никулин. А. М. Листопадов и его песенное наследие	416
А. Н. Качалкин. Библиографический указатель донского фольклора в дореволюционной периодике	418
Обмен мнениями	426
Предложения и рекомендации научной конференции о донском народном творчестве	430

Брату моему,
Владимиру Онуфриеву
в память о донских
казаках —
С. Онуфриеву
26/VII 64г.

НАРОДНАЯ УСТНАЯ ПОЭЗИЯ ДОНА

(Материалы научной конференции
по народному творчеству
донского казачества
18—23 декабря 1961 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1963